

Academia. Архитектура и строительство, № 1, стр. 71–82.
Academia. Architecture and Construction, no. 1, pp. 71–82.

Исследования и теория
Научная статья
УДК 72.03
DOI: 10.22337/2077-9038-2024-1-71-82

Феномен новейшей архитектуры Йошкар-Олы

Гельфонд Анна Лазаревна (Нижний Новгород). Доктор архитектуры, профессор, академик РААСН. Кафедра архитектурного проектирования, Архитектурная мастерская Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (Россия, 603000, Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 65. ННГАСУ). Эл.почта: gelfond@bk.ru

Лисицына Александра Владиславовна (Нижний Новгород). Доктор архитектуры, профессор. Кафедра архитектурного проектирования, Архитектурная мастерская Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (Россия, 603000, Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 65. ННГАСУ). Эл.почта: av_lisitsyna@mail.ru

Аннотация. В статье, посвящённой новейшей архитектуре Йошкар-Олы, впервые профессионально анализируется формирование архитектурной среды столицы Марий Эл начала XXI века. Осуществление масштабного замысла – превращение центра города в коллекцию адаптированных копий архитектурных памятников прошлого различных стран – определяется как «феномен» и рассматривается с точки зрения бинарных оппозиций. Ставятся следующие вопросы по поводу истоков заявленного феномена: исторические аналоги или авторские решения, театрализация или подлинность, дематериализация или целостность, разрушение или созидание. Статья преднамеренно не содержит однозначных выводов, но в ней даются развернутые авторские ответы на поставленные вопросы, опирающиеся на теоретические труды ведущих российских ученых. Статья сопровождается авторскими фотографиями.

Ключевые слова: Йошкар-Ола, феномен, новейшая архитектура, историко-архитектурная среда, театрализация, подлинность, целостность

Финансирование. Исследование выполнено за счёт средств Государственной программы фундаментальных научных исследований Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2024 год, тема № 1.1.6.3. «Архитектура общественных пространств. История и современность».

Для цитирования. Гельфонд А.Л., Лисицына А.В. Феномен новейшей архитектуры Йошкар-Олы // Academia. Архитектура и строительство. – 2024. – № 1. – С. 71–82. – DOI: 10.22337/2077-9038-2024-1-71-82.

The Phenomenon of Contemporary Architecture in Yoshkar-Ola

Gelfond Anna L. (N. Novgorod). Doctor of Sciences in Architecture, Professor, Academician of the RAACS. Department of Architectural Design, Architectural Workshop of the Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (65, Ilyinskaya st., Nizhni Novgorod, 603000, Russia. NNGASU). E-mail: gelfond@bk.ru

Lisitsyna Aleksandra V. (N. Novgorod). Doctor of Sciences in Architecture, Professor. Department of Architectural Design, Architectural Workshop of the Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (65, Ilyinskaya st., Nizhni Novgorod, 603000, Russia. NNGASU). E-mail: av_lisitsyna@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the latest architecture of Yoshkar-Ola, for the first time, it professionally analyzes the formation of the architectural environment of the capital of Mari El at the beginning of the 21st century. The implementation of a large-scale plan – the transformation of the city center into a collection of adapted copies of architectural monuments of the past of various countries – is defined as a “phenomenon” and is considered from the point of view of binary oppositions. The following questions are raised about the origins of the declared phenomenon: historical analogues or author's decisions, theatricalization or authenticity, dematerialization or integrity, destruction or creation. The article deliberately does not contain unambiguous conclusions, but it provides detailed author's answers to the questions posed, confirmed by reliance on the theoretical works of leading Russian scientists. The article is accompanied by the author's photos.

Keywords: Yoshkar-Ola, phenomenon, modern architecture, historical and architectural environment, theatricalization, identity, integrity

Funding. The research was carried out with the funds of the state program of the Russian Federation "Scientific and Technological Development of the Russian Federation" for 2021–2030 within the Plan of Fundamental Scientific Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and the Ministry of Construction of Russia for 2024, topic No. 1.1.6.3 “Architecture of Public Spaces. History and Modernity”.

For citation. Gelfond A.L., Lisitsyna A.V. The Phenomenon of Contemporary Architecture in Yoshkar-Ola. In: *Academia. Architecture and Construction*, 2024, no. 1, pp. 71–82, doi: 10.22337/2077-9038-2024-1-71-82.

Введение

Новейшей архитектуре центра Йошкар-Олы уже более двадцати лет. Жизнь целого поколения зародилась и проходит в созданной за это время городской среде. До сих пор это явление по целому ряду причин не подвергалось научному анализу и не получило профессиональной оценки.

Феномен новейшей архитектуры Йошкар-Олы – искусственная архитектурная среда, возникшая как некая сказка из набора хрестоматийных примеров итальянской, голландской, российской архитектуры. Цитирование, заимствование, отсутствие преемственности и идентичности – привычные определения, которые звучат, когда речь заходит об архитектуре столицы Марий Эл первой четверти XXI века. Воздвигнутые, словно для оформления гигантского спектакля, кремль, храмы, дворцы, театр, офисные здания, отели и жилые дома выглядят как временные театральные декорации (рис. 1). Тем не менее эти объекты выполняют конкретные функции: в них живут, работают, служат и отдыхают. Уже достаточно долгое время...

Йошкар-Ола была основана в 1584 году как русская крепость на марийских землях; её первое название – Царёв город на Кокшайке (ныне река Малая Кокшага). После Смутного времени за городом закрепилось название Царёвококшайск. В 1919 году он был переименован в Краснококшайск. В 1928 году появилось новое национальное название – Йошкар-Ола, что на языке луговых марийцев означает «красный город». С 1920 года город стал центром Марийской автономной области (с 1936 года – Марийской АССР, с 1992-го – Республики Марий Эл). В настоящее время население Йошкар-Олы 283 469 человек (2023).

Развитие архитектуры Йошкар-Олы соотносится с основными периодами истории города. Вплоть до начала XX века это был уездный центр Казанской губернии с типичными для

русской провинции постройками барокко, классицизма и эклектики. В советский период, благодаря статусу центра национальной автономии, здесь появились хорошие образцы советского неоклассицизма, а позднее – советского модернизма, сложились ансамбли основных улиц и площадей. В то же время типовое индустриальное жилищное домостроение 1960-х – 1980-х годов сделало Йошкар-Олу похожей на другие города Советского Союза. Большие объёмы строительства привели к тому, что облик города во многом стала определять стандартная пяти-девятиэтажная застройка этого периода.

Рис. 1. Фрагмент многофункционального здания на Патриаршей площади. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

Начало XXI века открыло в архитектуре Йошкар-Олы совершенно новую страницу. Остановимся на отдельных документах, отразивших планирование ближайшего будущего города.

В 2003 году началось осуществление республиканской программы социально-экономического развития Йошкар-Олы под девизом «Возрождение и развитие». Программа включала новое строительство и масштабную реконструкцию городского центра. Лозунг «Время жить в Марий Эл!» фиксировал стремление сделать столицу республики узнаваемым, привлекательным и комфортным для жизни городом [1, с. 104].

В 2006 году была принята «Стратегия социально-экономического развития муниципального образования „Город Йошкар-Ола“ до 2015 года», которая обозначила основные направления дальнейшего развития города, в том числе по улучшению качества городской среды и жизнеобеспечения населения. В 2009 году утверждён новый генеральный план развития города до 2025 года, разработанный научно-про-

Рис. 2. Панорама Йошкар-Олы. Вид на правый берег Малой Кокшаги. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

Рис. 3. Здание отдела ЗАГС на набережной Брюгге. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

ектным институтом пространственного планирования «ЭНКО» (Санкт-Петербург) по заказу Администрации города.

На сайте просветительской акции «Россия. Страна достижений» проект «Йошкар-Ола. Создание нового архитектурного стиля города» проаннотирован следующими словами: «Меньше чем за десять лет провинциальному городу Йошкар-Оле удалось полностью изменить свой облик. Неординарный архитектурный ландшафт, законченность нового городского ансамбля, яркость красок и разнообразие форм – всё это создает подлинное ощущение чуда в реальном пространстве и времени. Преображение города называют историческим феноменом современной России» [2].

Предпримем попытку проанализировать это явление и выявить основания сложившегося феномена.

Теоретические посылы

Итак, первая мысль о природе возникновения новейшей архитектуры Йошкар-Олы: она появилась из волевого желания сделать город непохожим на другие (рис. 2). И при этом, наоборот, похожим на коллекцию узнаваемых архитектурных объектов.

Рассуждая о том, «каковым становится или должен стать стиль архитектуры нашего времени», И.А. Бондаренко даёт ответ: «Многообразным ... Его многообразие вызывается индивидуализацией, которая идёт на смену пресловутой стандартизации». Архитекторы-практики начали всё чаще обращаться к образцам прошлых эпох, в особенности – знаковых для отдельных народов и конфессий [3, с. 28].

С этой позиции логично допустить, что источником вдохновения может служить многое. Как известно, развитие пост-модернизма на Западе привело к реабилитации многостилья, обусловило повышение интереса к архитектуре прошлого. А.С. Щенков отмечает, что обратной стороной этого интереса стало стирание представлений о ценности подлинности, более поверхностное её переживание. Живое присутствие истории всё чаще подменяется игровым отношением к ней, фантазиями на исторические темы [4, с. 155].

В начале XXI века в России обращение к историзму стало трактоваться как средство создания репрезентативного, престижного имиджа, а также демонстрации приоритета традиционных ценностей. В 2000-е годы в целом ряде крупных городов появились новые здания, имитирующие черты неопределённой псевдостаринной эпохи (рис. 3). Это хорошо легло на ностальгию по потерянному дореволюционному прошлому и на представления богатых людей о респектабельности «истории» и «классики». При этом нельзя не отметить тот факт, что большинство современных архитекторов уже не владеет мастерством, позволяющим безошибочно находить верные пропорции, соотношения объёмов, метроритмические закономерности, рисунок деталей. Поэтому, несмотря на стремление создавать контекстуальную архитектуру, такие ретроспекции часто выглядят пародией на подлинную историческую застройку. Современные здания с их укрупнёнными объёмами,

грубой детализацией, яркой цветовой гаммой по сравнению с историческими постройками выглядят как преуспевающие нувориши рядом с обедневшими аристократами [5].

С профессиональных позиций такие решения трудно оценить однозначно. Как правило, они приводят к появлению усреднённых построек с характерными чертами архитектуры прошлых веков, «новых старых домов». Учёные, специализирующиеся на вопросах истории архитектуры и формирования облика российских городов, восприняли эту тенденцию настороженно. Так, М.И. Мильчик писал, что подобный «камуфляж» создаёт ложное представление о застройке города в прошлом, а отказ от современного архитектурного языка оборачивается бегством от своего времени – ведь уже следующее поколение не сможет отличить подобные архитектурные подделки от подлинных исторических зданий [6, с. 28].

Заметной тенденцией становится нивелирование образа автора: его растворение среди предшественников и современников или поглощение массовым зрителем. Это происходит за счёт цитирования, тиражируемости пластических приёмов, архитектурных форм и даже идей, концептов [7].

Кроме того, на фоне декларируемого господства среднего подхода «в профессиональном сознании всё сильнее укрепляется мышление локальным объектом. Следствием этого становится распад городской ткани даже при нередко существующем желании отдельных авторов вписаться в контекст» [4, с. 268].

Историко-архитектурная среда российских городов, целостность которой за последние сто лет оказалась сильно нарушенной, продолжает преобразовываться и фрагментироваться. Между тем представления о такой среде базируются на её культурной идентичности и осознанной ценности. «Архитектурно-историческая среда – это система созданных человеком и природой пространств, решённых средствами архитектуры и градостроительства, обладающих осознанной (ментальной) историко-культурной ценностью и целостностью, отличающихся узнаваемостью, своеобразием, культурной идентичностью (кодом идентичности), обладающих векторным потенциалом к развитию» [8].

Однако при формировании локальной идентичности столицы Марий Эл ставка делалась не на существующий контекст, а на реализацию совершенно новой концепции городского центра, воплощённой, как ни парадоксально, в формах историзма (рис. 4). Этому, несомненно, способствовало исключение Йошкар-Олы из перечня исторических поселений Российской Федерации (2010). Отмеченные выше негативные тенденции современной архитектурно-стилевой имитации в Йошкар-Оле нивелируются двумя факторами: во-первых, комплексным характером проектных решений, и, во-вторых, достаточно продуманным художественным образом новых построек (рис. 5).

Чем продиктованы архитектурные приёмы организации этой уникальности, предстоит разобраться: обращением к прошлому, работе в стилях, прямому цитированию, новому

прочтению природных особенностей места? Отношением к контексту, индивидуальностью автора?

Истоки феномена формирования архитектурной среды городского центра Йошкар-Олы проанализируем с точки зрения бинарных оппозиций:

- исторические аналоги или авторские решения;
- театрализация или подлинность;
- дематериализация или целостность;
- разрушение или созидание?

Исторические аналоги или авторские решения?

Инициатором и главным идеологом грандиозного преобразования городского центра стал тогдашний глава республики Л.И. Маркелов. В проектом институте «Марийскгражданпроект» была создана специальная архитектурно-планировочная мастерская, которую возглавил архитектор В.П. Горбань. Здесь работали архитекторы Г.В. Чиркова, Е.М. Зорина, М.В. Кропотова, Е.Ю. Деревянных, А.В. Лузинская, А.Н. Теряев, Н.В. Вохминцева, инженеры А.В. Санин, А.А. Киреев и другие. В мастерской разрабатывались проекты новых церквей, часовен, жилых и общественных зданий, площадей, скверов, пешеходных мостов [1, с. 106]. В 2000-е – первой половине 2010-х годов вокруг искусственного водохранилища на реке Малой Кокшаге, на обширной территории между улицей

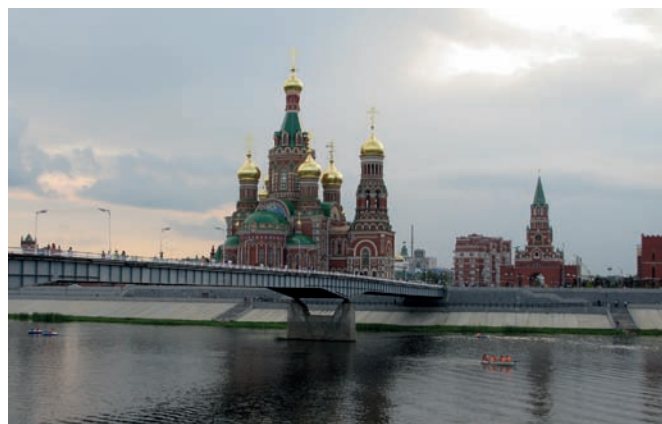

Рис. 4. Благовещенский собор и Театральный мост. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

Рис. 5. Комплекс Архангельской слободы. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

Рис. 6. Фрагмент обновлённой городской среды с видом на Республиканский русский драматический театр. 1984 год. Фото А.Л. Гельфонд. 2023 год

Рис. 7. Здание Национальной художественной галереи Республики Марий Эл. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

Рис. 8. Республиканский театр кукол. Фото А.Л. Гельфонд. 2014 год

Красноармейской и Царьградским проспектом на севере и улицей Успенской на юге была создана система архитектурных ансамблей, принципиально отличающихся от застройки окружающих районов (рис. 6).

Идейной основой реконструкции стало обращение к прошлому, продиктованное стремлением к архаизации и сохранению культурных ценностей. Наиболее осмысленный и проверенный временем приём при таком стремлении – архитектурно-стилевая имитация, основанная на «буквальности копиизма» [9, с. 59]. В Йошкар-Оле образцами для подражания стали не элементы подлинной историко-архитектурной среды города, а хрестоматийные объекты европейской и российской архитектуры. Выбор стран и эпох, архитектура которых имитируется, очень широк. Повторения, конечно, не совсем «такие же», однако прототипы угадываются точно.

Облик площади Оболенского-Ноготкова определяет здание Национальной художественной галереи Республики Марий Эл, построенное в 2007 году (рис. 7). Аналогами послужили знаменитые памятники венецианской готики и раннего Возрождения: Палаццо Дожей, откуда позаимствовано решение галерей двух нижних этажей, и Часовая башня Святого Марка, композиция которой повторена в средней части здания. Ещё одна, более определённая реплика Палаццо Дожей – Дом дружбы народов Республики Марий Эл на Ленинском проспекте. Рядом расположено общественное здание, формы которого напоминают Палаццо Ариани в Венеции.

Тема средиземноморской архитектуры находит продолжение в застройке улицы Успенской. По одной стороне улицы вытянулись поставленные вплотную друг к другу торгово-административные и гостиничные здания, ориентированные на венецианские палаццо XV века; по другой – административные здания министерств, полосатые стены которых содержат отсылки к византийской архитектуре и корреспондируют с комплексом Успенской церкви. Ближайшее к ней здание министерства молодёжной политики акцентировано квадратной в плане массивной башней, в которой угадываются черты замка Шереметевых в Юрине, уникального загородного дворца второй половины XIX века, соединяющего в себе черты итальянской и французской готики, австрийского бидермайера, викторианского протомодерна. Этот необычный памятник, расположенный на территории Марий Эл, стал прообразом ещё одного крупного многофункционального здания, размещённого на Патриаршей площади. А рядом находится Республиканский театр кукол, архитектура которого напоминает о знаменитом романтическом замке Нойшванштайн, построенном в юго-западной Баварии в середине XIX века (рис. 8).

Необычно и экстравагантно выглядит комплексная застройка набережных, напоминающая о живописных «водных» городах Северной и Западной Европы. Набережная Амстердам на правом берегу Малой Кокшаги застроена характерными зданиями с высокими кровлями, островерхими ступенчатыми фронтонами, стрельчатыми арками, разновеликими трубами и

башенками (рис. 9). На левом берегу реки им вторит сходная по стилистике сплошная застройка набережной Брюгге. Она продолжается в южном направлении, вдоль улицы Эшкинина, и завершается представительным административным зданием с круглой угловой ротондой. Оно очень похоже на дом Н.И. Севастьянова – единственный в своём роде образец псевдоготтики в архитектуре Екатеринбурга (1860-е). На изгибе Воскресенской набережной, рядом с комплексом Архангельской слободы, возведено ещё одно нарядное общественное здание; его прототипом стал известный неоготический замок «Ласточкино гнездо», расположенный на южном берегу Крыма [10].

Здесь же, на набережной, возвышается Благовещенский собор, напоминающий мемориальный храм Спаса на Крови в Санкт-Петербурге (рис. 10). Рядом располагается Благовещенская башня, узнаваемым аналогом которой является Спасская башня Московского кремля. На другом берегу реки ей отвечает похожая на башню Сююмбике в Казанском кремле Спасская башня.

Чем же обусловлен такой произвольный, даже причудливый подбор аналогов? Столь разнохарактерная архитектура обновлённого городского центра удивляет и даже может вызвать категорическое неприятие. Подобный подход – сосредоточение в одном месте знаменитых архитектурных образов разных стран и эпох как мощный фактор развития туризма с успехом используется в мировых центрах развлечений (Диснейленд, Лас-Вегас). Но там это оправдано игровым назначением. Здесь же, в реальной городской среде, где всё должно быть «по-настоящему», возникает определённый конфликт смыслов.

Однако объяснения придуманы. Так, противостояние реплик московской Спасской башни и казанской башни Сююмбике трактуется как напоминание об истории вхождения Марийского края в Московское царство, ставшее возможным после взятия Казани. Образы знаковых построек Москвы и Петербурга символизируют связь истории Йошкар-Олы с историей Российского государства в целом, утверждают единство столичной и провинциальной России... Но прежде всего – это личная воля заказчика, его амбиция к созданию нового образа города.

Театрализация или подлинность?

Нидерландский историк и теоретик культуры Й. Хейзинга, проследивший роль игры в истории человечества и во всех сферах человеческой жизни (работа «Homo ludens» – «Человек играющий», 1938), определил игру как творчески позитивное начало. Игра – элемент извечной первозданности человеческой культуры, никогда не порывающей со своими истоками, и именно в этом её сила и воспитательное значение. Во все времена сложный процесс диалога официальной и игровой культур проявляется в различных формах и подвержен влиянию самых разных факторов. Подчас между этими культурами невозможно провести точную границу [11, с. 247].

Театр как профессиональная форма игры соотносится с самыми разными сферами жизни общества. Городскую среду в этом аспекте можно рассматривать как своего рода декорации для действия жизни (рис. 11). «Театр зачастую представляется нам как лицедейство и возможность иной реальности, однако это суждение не столь однозначно. “Театр” жизни, бытовые “роли”, средовые “декорации” сопровождают повседневно»

Рис. 9. Застройка набережной Амстердам. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

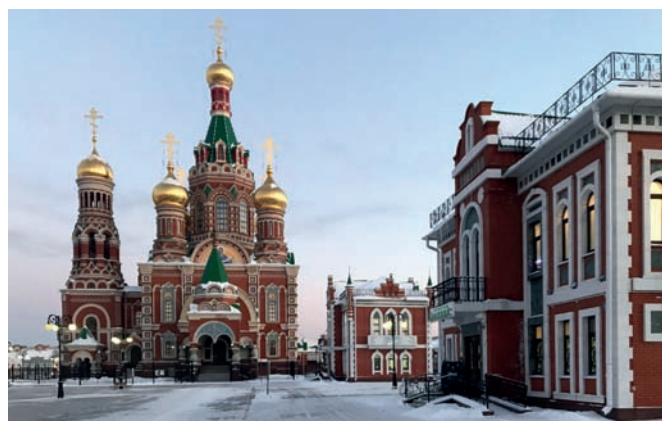

Рис. 10. Благовещенский собор и здания Архангельской слободы. Фото А.Л. Гельфонд. 2023 год

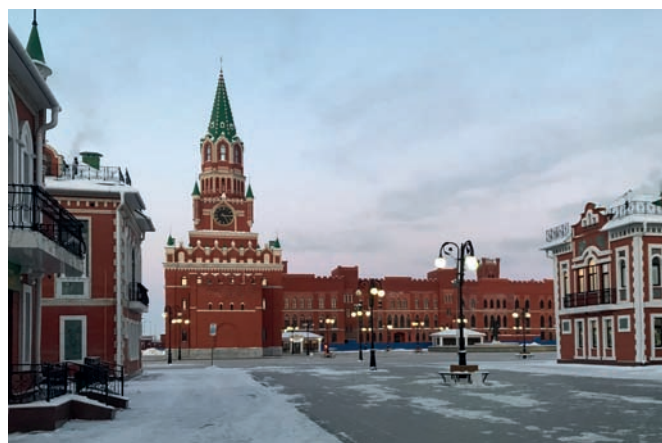

Рис. 11. Благовещенская башня в ансамбле площади им. В.П. Никонова. Фото А.Л. Гельфонд. 2023 год

ность человека в окружении архитектуры. Так город предстаёт театром, совмещающим реальное с вымыслом, надеждами, воспоминаниями» [12].

В Йошкар-Оле этот посыл воплощён в самом прямом, буквальном смысле. Исторический центр города радикально преобразован. При первом знакомстве реакция зрителя, ожидавшего увидеть нечто более привычное, сродни шоку:

Рис. 12. Дом творческих союзов и памятник Рембрандту. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

Рис. 13. Памятник воеводе И.А. Оболенскому-Ноготкову. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

этого не может быть, мы же в XXI веке! И тем не менее всё это есть, причём настоящее, вещественное, выполненное с любовью и старанием. В то же время невозможно отделаться от ощущения, что находишься внутри грандиозной театральной декорации для некоего спектакля в жанре исторического фэнтези (рис. 12).

Важную роль в создании этой необычной атмосферы играют памятники монументального искусства и городская скульптура. Образы исторических личностей, литературных героев, православных святых принадлежат разным эпохам и разным культурным традициям. Их соседство отвечает общей концепции повествовательности, сценарной организации пространств городского центра (рис. 13). Автором большинства бронзовых скульптурных групп является народный художник России А.Н. Ковальчук [1, с. 107].

Вновь созданная среда носит явный оттенок сказочности. Это впечатление усиливает самодостаточность новых ансамблей, противопоставление прежней застройке (вплоть до полного её игнорирования), в чём угадывается скрытое желание отгородиться от обыденности и повседневности. Эффект театральности усиливается за счёт того, что за яркими цветными фасадами новостроек поднимаются обычные для российских городов жилые массивы типовых многоэтажных панельных домов.

С позиций средового видения, обновлённая застройка исторического центра представляет собой качественную популистскую архитектуру. Среднестатистический массовый потребитель не обладает высоким уровнем специальных знаний и вполне готов принимать псевдоисторические здания за настоящие, исторические, проецируя это понятие не на местную историю, а на историю вообще. Особенно легко усваивают правила игры гости города, которые воспринимают увиденное как данность и почти все без исключения испытывают восхищение. В этом смысле концепция реконструкции «сработала», и результат оказался вполне состоятельным.

Здесь следует вспомнить, что главный контекст, с которым и для которого работают архитектор и градостроитель, – это человек. Именно ему адресованы все поиски и находки профессионалов. Проблема адресности архитектурного объекта неизменно актуальна, так как авторы обращают свои произведения к конкретному и неконкретному потребителю, причём как реальному, так и потенциальному. Это не секрет, что сооружение, как правило, переживает своего автора. Чем же диктуется этот выбор? М.М. Бахтин выявляет три фактора: жанр, «эпоху» (то есть культурно-исторический контекст) и направление. Доминирующим фактором при этом является жанр: «Каждый жанр имеет свою концепцию адресата». Но с распадом жанровой системы ведущую роль начинает играть фактор эпохи, или культурно-исторического контекста. Особое значение в этом случае приобретает реально существующий «в поколении» потребитель [12, с. 248].

«Реализуется и сугубо индивидуализированный подход, ориентированный на отдельную личность. Авторская архитек-

тура? Скорее, «авторская» в плане восприятия со стороны её адресата – в области рождения откликов у каждого конкретного адресата – его личной истории. Здесь также открывается весьма неоднозначный путь к новому пониманию авторства, когда общество, «толпа» побеждает Художника и приобретает очертания некоего коллективного художника» [7].

Театрализация городской среды – мощное средство воздействия на психологию восприятия. Такой подход помогает созданию общей атмосферы праздника (рис. 14), что напрямую связано с туристической привлекательностью места. К тому же новостройки наполнены актуальными функциями. Так, комплекс «Царевококшайский кремль», выстроенный на месте бывшей Базарной площади, используется для проведения общегородских мероприятий – дней города, пасхальных ярмарок, сельскохозяйственных выставок, фольклорных праздников, оперных спектаклей, фестивалей колокольного звона [1, с. 149]. Отметим и просветительскую миссию проекта: опосредованным образом познакомить марийский народ с лучшими образцами европейской и российской архитектуры (рис. 15).

Возникает очень непростой вопрос о подлинности архитектурной среды. С одной стороны, это реально существующая предметно-материальная среда, с другой, – можно предположить, что при воплощении таких масштабных замыслов многое, существовавшее ранее на этих городских территориях, было уничтожено и предано забвению. Иными словами, идентичность места во многом утрачена. И, наконец, новые объекты, естественно, очень далеки от своих подлинных прототипов. Некая сложная игра в дематериализацию.

Дематериализация или целостность?

Под дематериализацией архитектурной среды предлагается понимать метаморфозы, которые происходят с ней в результате дематериализации объектов. Дематериализация архитектурной среды городов и поселений – сложный процесс, в котором одновременно можно выявить установку на создание целостности, стремление к однородности пространства, в то же время такие приёмы таят опасность утраты подлинности среды [13].

Для настоящего времени, которое характеризуется переносом внимания с отдельных зданий на пространство, а также в контексте данной статьи, интересным представляется пространственно-временной аспект дематериализации. И здесь всё непросто.

Застройка центра Йошкар-Олы появилась в течение неполных двадцати лет, то есть практически одновременно. Архитектурные объекты объединены применением общих конструктивных и отделочных материалов, едиными масштабными характеристиками, цветовым решением, степенью детализации, а главное, цельной идеологией замысла. Это сделано «здесь и сейчас». В то же время налицо стремление создать иллюзию возврата в прошлое, причём без опоры на историю места, где дореволюционная застройка представ-

лена несколькими церковными зданиями XVIII–XIX веков и единичными купеческими домами, а застройка советского периода – крупными, значимыми общественными зданиями.

Существует мнение, что «современная Йошкар-Ола представляет собой сплав архитектурных стилей различных периодов: от дореволюционных памятников деревянной и каменной архитектуры, сохранившихся до наших дней, до современного прочтения памятников европейской архитектуры эпохи Ренессанса» [10].

В этой цитате для нас важно слово «сплав» в его энциклопедическом понимании как однородной смеси. Представляется, что здесь уместно обратиться к диалектическому закону перехода количества в качество, согласно которому развитие осуществляется путём накопления количественных изменений до выхода за пределы меры и перехода к новому качеству. Применительно к объекту и предмету настоящей

Рис. 14. Многофункциональное здание на Патриаршей площади. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

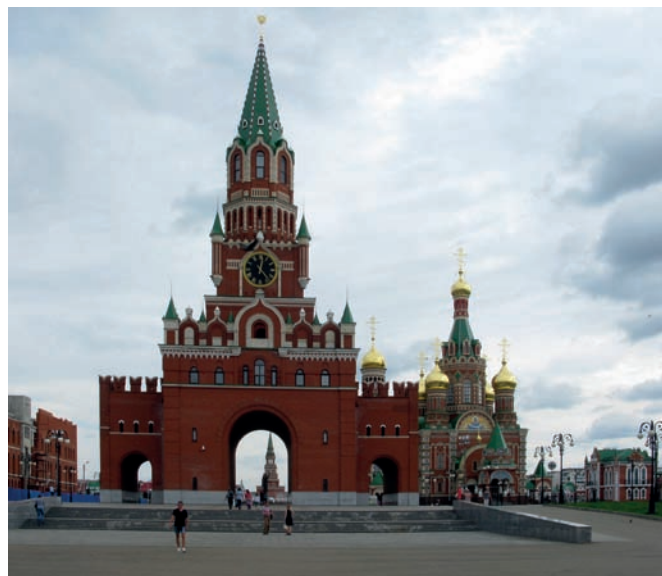

Рис. 15. Благовещенская башня. Вид с бульвара Чавайна. Фото А.В. Лисицыной. 2015 год

статьи речь идёт о таком множестве разнородных объектов, что оно привело к новому качеству – достаточно однородной архитектурной среде городского центра.

Вероятно, именно здесь следует оговориться, что из всей вновь созданной среды совершенно выпадает «Царевококшайский кремль» (рис. 16). В своей нематериальности объект имеет вид гигантского временного макета. По сравнению с ним остальная застройка, действительно, представляется достаточно целостной.

Анализируя актуальное архитектурно-художественное творчество в среде, его поиски, сомнения, взаимосвязи, тенденции, среди прочих посылов М.В. Дущев отмечает, что человек «устремляется к идеалам утопии, чистой концепции и вымышленной (виртуальной) реальности» [7]. Вероятно, именно в этой связи художники конца XIX – начала XX века обращались к лубку, иконе, древнерусскому искусству, а

Рис. 16. Комплекс «Царевококшайский кремль». Фото А.Л. Гельфонд. 2023 год

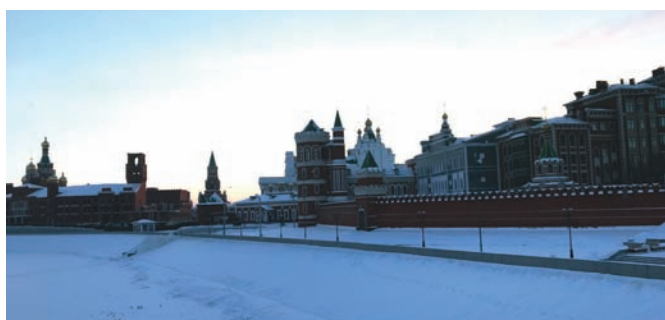

Рис. 17. Воскресенская набережная. Общий вид. Фото А.Л. Гельфонд. 2023 год

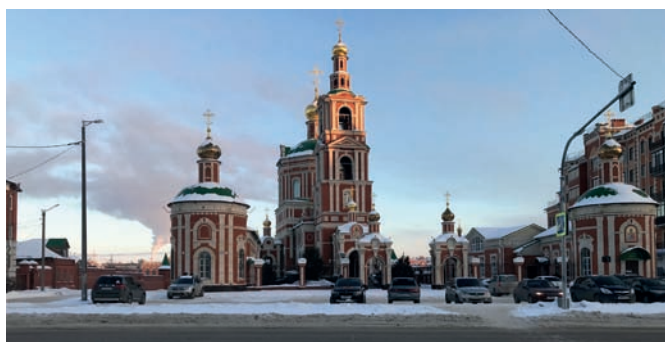

Рис. 18. Ансамбль Воскресенского собора. Фото А.Л. Гельфонд. 2023 год

также к элитарной классической культуре [9], черпая в них вдохновение для красивого вымысла. Таким образом, у анализируемого феномена, безусловно, есть и исторические аналогии. Но в основе этих заимствований, как правило, лежали идентичные для данного места образцы. В столице Марий Эл «двойное кодирование» как известный приём архитектуры постмодернизма предстаёт в одновременной игре с пространством и временем – и аналог не здешний, а географически отдалённый, и время не настоящее, а прошедшее.

И представляется, что в архитектуре Йошкар-Олы начала XXI века дематериализация архитектурной среды предстаёт как исчезновение реалий сегодняшнего времени и места, которые словно перешли в эфемерное, призрачное состояние (рис. 17). «Назад в будущее», «петля времени»... Среда городов и поселений непрерывно меняется, и то, что ещё недавно было новым, становится «архитектурным слепком эпохи». С этой позиции интересно заглянуть в завтрашний день и попробовать предугадать, как застройку исторического центра Йошкар-Олы профессионалы будут анализировать и оценивать в будущем.

Разрушение или созидание?

Любая масштабная реконструкция городской среды неизбежно несёт в себе элемент разрушения: территория «расчищается» для воплощения нового замысла. Йошкар-Ола не исключение, особенно если учесть, что преобразования проведены в самой старой части города.

Вместе с тем многое восстановлено. И прежде всего, система архитектурных доминант – смысловых и визуальных городских ориентиров. Символично, что реконструкция началась с возрождения церковных комплексов – тех самых, что первыми подверглись разрушению в советские годы. При этом первоначальные архитектурные формы сохранил лишь Воскресенский собор, основной объём которого уцелел. Полностью разрушенные храмы – Троицкая и Входиерусалимская церкви, Воскресенский собор – при воссоздании в современных материалах получили иные, более сложные и богатые архитектурные решения, ориентированные на русский стиль второй половины XIX века (рис. 18). Общая тенденция на декоративность продолжена зданиями многочисленных новых часовен (Покровской, всех Святых, Николая Чудотворца, Александра Невского, Петра и Февронии). Главной же архитектурной доминантой стал построенный в 2010–2016 годы Благовещенский кафедральный собор, о котором мы уже упоминали.

Идеология реконструкции предполагала активное формирование новых городских символов. Они нашли своё отражение в тематике общественных пространств и даже в их названиях. Православные символы – Архангельская слобода, Воскресенская набережная, Патриаршая площадь. Места, обращенные к истории, – площадь Оболенского-Ноготкова, Царьградский проспект. Объекты, обозначающие включённость в общероссийский и мировой контекст, – набережные Амстердам и Брюгге, Итальянский садик.

Важным позитивным качеством вновь созданной среды, несомненно, является комплексность градостроительных решений. Благодаря этому обновлённый центр Йошкар-Олы обладает целостностью, которой так часто недостаёт в других городах России. Во многом это обусловлено общностью масштаба объёмов и пространств, малой или средней этажностью зданий, которые выглядят соразмерными по отношению и к человеку, и к городу в целом. Отметим целенаправленное формирование ансамблей улиц и площадей, то есть проектирование не отдельных архитектурных объектов, но архитектурных пространств. Так, территория вокруг водохранилища на Малой Кокшаге решена как огромный городской интерьер. Основные автомагистрали, связывающие правобережье и левобережье, дополнены системой пешеходных мостов (Театральный, Воскресенский, Гоголевский, Парковый). Прихотливая конфигурация набережных вносит живописность в регулярную прямоугольную планировку исторического центра, восходящую к «высочайше подтвержденному» плану Царёвококшайска 1835 года. При движении по набережным перед зрителем раскрываются эффектные панорамы, здания можно увидеть в разных ракурсах. Вертикали Благовещенской и Спасской башен фиксируют ось Театрального моста, который является продолжением бульвара Чавайна. Архитектурные доминанты и акценты формируют выразительный силуэт, создавая целую симфонию глав и колоколен, башен и башенок, куполов и шпилей. Их отражения в обширном водном зеркале ещё больше обогащают общую картину. Необходимо отметить высокое качество благоустройства с использованием дорогих материалов – различных сортов гранита, чугунного литья, художественнойковки.

Обновленная Йошкар-Ола оставляет впечатление искусственного, идеального, «пряничного» города. Архитектурные решения не содержат и следа постмодернистской иронии. Видно, что авторы добросовестно изучили наследие итальянской, фламандской, голландской архитектуры, взяв курс на присущее эклектике второй половины XIX века отождествление красивого с богато украшенным [14, с. 36]. Избыточная сложность и несомненная перегруженность деталями компенсируется их хорошей прорисовкой и умелым пропорционированием. Новые здания вполне убедительны

по архитектуре и отнюдь не смотрятся неприглядными или пародийными (рис. 19). Образное единство поддерживается и за счёт материала – красного кирпича, которым облицованы фасады. Контрастное сочетание краснокирпичных стен, многочисленных белых деталей, кровель и шатров насыщенного зелёного цвета создаёт яркий, мажорный архитектурный образ. Йошкар-Ола – красный, то есть красивый город; вот то, что в буквальном смысле воплощает собой новая архитектура. И здесь мы констатируем переход количества в качество: перед нами уже не просто совокупность отдельных, разрозненных и разнохарактерных новостроек – это архитектурная среда города во всей своей полноте (рис. 20).

Выводы

Несмотря на отчётливый налёт китча, реконструированный центр Йошкар-Олы – это, безусловно, любопытный феномен, какого нет больше нигде в России. Тема идентичности в её разных трактовках – отдельная важная тема при работе со средой. Так, относя архитектуру к «культурной идентичности» и обозначая, что именно архитектура придаёт жизненной среде очарование и неповторимость, Г.В. Есаулов пишет: «Радостными воспоминаниями и приятными ощущениями наполняет человека при возвращении в известное место или при контакте с окружением. Это всё может происходить и с

Рис. 19. Административное здание в комплексе Архангельской слободы. Фото А.Л. Гельфонд. 2023 год

Рис. 20. Набережная Брюгге. Панорама. Фото А.Л. Гельфонд. 2023 год

обратным эффектом» [15]. Поэтому очень ответственно надо подходить и к реализации архитектурно-градостроительных замыслов, и к их оценке.

Интерес архитекторов – как теоретиков, так и практиков – к этой проблеме постоянно растёт. Так, в рамках общего собрания Приволжского федерального отделения РААСН, которое в декабре 2023 года проходило в Йошкар-Оле, началась дискуссия на тему новейшей архитектуры столицы Марий Эл. Только время расставит всё по своим местам и покажет, жизнеспособны ли новые здания и комплексы, «врастут» ли они в городскую среду. Остаётся лишь надеяться, что результаты этого масштабного градостроительного эксперимента когда-нибудь станут органичной частью городской ткани.

Феномен новейшей архитектуры Йошкар-Олы включает следующие составляющие:

- программное обращение к истории мировой и российской архитектуры, отражающее преемственность и преследующее просветительские цели;
- нарочитая театрализация, создающая ощущение праздника;
- целостность фантазийного художественного образа, способствующая дематериализации времени и места;
- тотальное преобразование историко-архитектурной среды, формирующее её в новом качестве.

Если набраться смелости и попробовать оценить новейшую архитектуру Йошкар-Олы с точки зрения критериев ЮНЕСКО, то её феномен предстанет в наличии целостности при полном отсутствии подлинности. Или тотальная театральность, искусственность, преднамеренная дематериализация и есть её подлинность?

Список источников

1. *Стариков, С.В.* Йошкар-Ола – Красный город России / С.В. Стариков. – Йошкар-Ола : Легенда, 2013. – 252 с. – Текст : непосредственный.
2. Йошкар-Ола. Создание нового архитектурного стиля города / Текст : электронный // Веб-сайт «Россия – страна достижений». – URL: <https://достижения.рф/achievements/region/2063> (дата обращения 08.01.2024).
3. *Бондаренко, И.А.* Архитектура в эпоху модернизации образа современности / И.А. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Современная архитектура мира. – 2023. – Выпуск 20. – № 1. – С. 11–32.
4. *Щенков, А.С.* Реконструкция исторической застройки в Европе во второй половине XX века : Историко-культурные проблемы / А.С. Щенков. – Москва : ЛЕНАНД, 2011. – 280 с. – Текст : непосредственный.
5. *Лисицына, А.В.* Сочетание исторической и современной застройки в средних и малых городах Нижегородского Поволжья / А.В. Лисицына. – Текст : электронный // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Сер.: Политематическая. – 2014. – Вып. 3 (34). – Ст. 1. – URL: <http://vestnik.vgasu.ru/?source=4&articleno=1705> (дата обращения 08.01.2024).

6. *Мильчик, М.И.* Исторический город и современная архитектура / М.И. Мильчик. – Ленинград : Ленингр. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1990. – 32 с. – Текст : непосредственный.

7. *Дуцев, М.В.* Архитектурно-художественная среда как актуальная история человека / М.В. Дуцев. – Текст : непосредственный // Художественная культура. – 2019. – № 4 (31). – С. 30–35.

8. *Вавилонская, Т.В.* Архитектурно-историческая среда Самарского Поволжья: формирование, состояние, концепция устойчивого развития : дис. ... д-ра архитектуры / Т.В. Вавилонская. – Нижний Новгород, 2018. – 890 с. – Текст : непосредственный.

9. *Аксёнова, Г.В.* Русская книжная культура на рубеже XIX–XX веков / Г.В. Аксёнова. – Москва : МПГУ, «Прометей», 2011. – 130 с. – Текст : непосредственный.

10. *Дождиков, А.* Современная Йошкар-Ола представляет собой сплав архитектурных стилей / А. Дождиков. – Текст : электронный // Городская газета «Йошкар-Ола». – URL: https://dzen.ru/a/ZRLBwD8A9FpkkNf_#:~:text=%20Современная%20Йошкар-Ола%20представляет%20собой,архитектуры%20и%20градостроительства%20Андрей%20Дождиков (дата обращения 08.01.2024).

11. *Гельфонд, А.Л.* Архитектура общественных пространств / А.Л. Гельфонд. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 412 с. – Текст : непосредственный.

12. *Дуцев, М.В.* Архитектурный «театр» – игра или исповедь? / М.В. Дуцев. – Текст : электронный // VI Хан-Магомедовские чтения : Материалы научной конференции. 14 марта 2022 года // www.archi.ru (<https://archi.ru/elpub/96298/arkhitekturnyi-teatr-igra-ili-ispoved>) (дата обращения 08.01.2024).

13. *Гельфонд, А.Л.* Типологические аспекты дематериализации архитектурной среды / А.Л. Гельфонд. – Текст : непосредственный // Современная архитектура мира. – 2023. – Вып. 20, № 1. – С. 33–56.

14. *Кириченко, Е.И.* Русская архитектура 1830–1910 годов / Е.И. Кириченко. – Москва : Искусство, 1978. – 400 с. – Текст : непосредственный.

15. *Есаулов, Г.В.* Об идентичности в архитектуре и градостроительстве / Г.В. Есаулов. – Текст : непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. – 2018. – № 4. – С. 12–18.

References

1. Starikov S.V. Ioshkar-Ola – Krasnyi gorod Rossii [Yoshkar-Ola – The Red City of Russia]. Ioshkar-Ola, Legenda Publ., 2013, 252 p. (In Russ.)
2. Ioshkar-Ola. Sozdanie novogo arkhitekturnogo stilya goroda [Creation of a New Architectural Style of the City]. In: *Veb-sait «Rossiya – strana dostizheniii»* [Website “Russia – a Country of Achievements”]. URL: <https://dostizheniya.rf/achievements/region/2063> (Accessed 01.08.2024). (In Russ.)
3. Bondarenko, I.A. Arkhitektura v epokhu modernizatsii obraza sovremennosti [Architecture in the Era of Image of the

Contemporary Modernization]. In: *Sovremennaya arkhitektura mira* [Contemporary World's Architecture], 2023, Iss. 20, no. 1, pp. 11–32. (In Russ., abstr.in Engl.)

4. Shchenkov A.S. Rekonstruktsiya istoricheskoi zastroiki v Evrope vo vtoroi polovine XX veka : Istoriko-kul'turnye problemy [Reconstruction of Historical Buildings in Europe in the Second Half of the Twentieth Century: Historical and Cultural Problems]. Moscow, LENAND Publ., 2011, 280 p. (In Russ.)

5. Lisitsyna A.V. Sochetanie istoricheskoi i sovremennoi zastroiki v srednikh i malykh gorodakh Nizhegorodskogo Povolzh'ya [Combination of Historical and Modern Architecture in Middle and Small Towns of Nizhegorodskoe Povolzhie]. In: *Internet-Vestnik VolgGASU*, 2014, no. 3(34), paper 1. URL: <http://www.vestnik.vgasu.ru/> (Accessed 01/08/2024). (In Russ.)

6. Mil'chik M.I. Istoricheskii gorod i sovremennaya arkhitektura [Historical City and Modern Architecture]. Leningrad, Leningrad dep. "Znanie" RSFSR, 1990, 32 p. (In Russ.)

7. Dutsev M.V. Arkhitekturno-khudozhestvennaya sreda kak aktual'naya istoriya cheloveka [Architectural-Artistic Environment as the Actual History of Man]. In: *Khudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Studies], 2019, no. 4 (31), pp. 30–35. (In Russ., abstr.in Engl.)

8. Vavilonskaya T.V. Arkhitekturno-istoricheskaya sreda Samarskogo Povolzh'ya: formirovanie, sostoyanie, kontseptsiya ustoichivogo razvitiya [Architectural and Historical Environment of the Samara Volga Region: Formation, State, Concept of Sustainable]. Dr. of Sciences in Architecture. diss. Nizhnii Novgorod, 2018, 890 p. (In Russ.)

9. Aksenova G.V. Russkaya knizhnaya kul'tura na rubezhe XIX-XX vekov [Russian Book Culture at the Turn of the 19th-20th Centuries]. Moscow, MPGU, "Prometei", 2011, 130 p. (In Russ.)

10. Dozhdikov A. Sovremennaya Ioshkar-Ola predstavlyaet soboi splav arkhitekturnykh [Modern Yoshkar-Ola is a Fusion of Architectural Styles]. In: *Gorodskaya gazeta «Ioshkar-Ola»* [City Newspaper "Yoshkar-Ola"]. URL: https://dzen.ru/a/ZRLBwD8A9FpkkNf_#:~:text=-%20Sovremennaya%20Ioshkar-Ola%20predstavlyaet%20soboi,arkhitektury%20i%20gradostroitel'stva%20Andrei%20Dozhdikov (Accessed 01/08/2024). (In Russ.)

11. Gel'fond A.L. Arkhitektura obshchestvennykh prostranstv [Architecture of Public Spaces]. Moscow, INFRA-Moscow, Publ., 2019, 412 p. (In Russ.)

12. Dutsev M.V. Arkhitekturnyi «teatr» – igra ili ispoved'? [Architectural "Theater" – a Game or a Confession?]. In: *VI Khan-Magomedovskie chteniya* [VI Khan-Magomedov Readings], Materials of the scientific conference. March 14, 2022], 14 marta 2022 goda. *WWW.ARCHU.RU*. URL: <https://archi.ru/elpub/96298/arkhitekturnyi-teatr-igra-ili-ispoved> (Accessed 01/08/2024). (In Russ.)

13. Gel'fond A.L. Tipologicheskie aspekty dematerializatsii arkhitekturnoi sredy [Typological Aspects of Architectural Environment Dematerialization]. In: *Sovremennaya arkhitektura mira* [Contemporary World's Architecture], 2023, Iss. 20, no. 1, pp. 33–56. (In Russ., abstr.in Engl.)

14. Kirichenko E.I. Russkaya arkhitektura 1830–1910 godov [Russian Architecture 1830–1910]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, 400 p.). (In Russ.)

15. Esaulov G.V. Ob identichnosti v arkhitekture i gradostroitel'stve [On Identity in Architecture and Urban Planning]. In: *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 2018, no. 4, pp. 12–18. (In Russ., abstr.in Engl.)